

Барис Эфрос

Мы ищем то,
это не терапия...

Барис Эфрос

Мы ищем то,
это не терапия...

Стихи разных лет

Анастасия, 2007

Эфрос Б.Д. Мы ищем то, что не теряли... Стихи разных лет. – Апатиты: Изд-во “К & М”, 2007. – 88 с.

В сборнике впервые публикуются полевые стихи Б.Д. Эфроса, воспевающие суровую романтику геологической профессии. Книга иллюстрирована фотографиями из семейного архива. Издание приурочено к профессиональному празднику – Дню геолога и предназначено геологам, альпинистам и просто романтикам.

Составители И.С. Красоткин и Ю.Л. Войтеховский

Компьютерный набор и макетирование Д.Г. Степенщикова

Рисунок на обложке И. Ситдиковой

Слово об авторе

Его имя занимает законное место на доске первооткрывателей месторождений – питомцев Санкт-Петербургского горного института. В 50-60-е годы прошедшего столетия страна остро нуждалась в пьезооптическом сырье, поэтому открытие и освоение крупного Новоромановского пегматитового месторождения оптического флюорита имело огромное значение. Во втором выпуске “Записок ВМО” за 1960 г. появилась первая публикация об этом месторождении. А летом 1961 г., попав после окончания Горного института на работу в 112-ю экспедицию 6-го главка в пос. Актас в Казахстане, я с восторгом ознакомился с тремя толстенными отчетами по пегматитовым полям Зерендинского массива и Новоромановскому месторождению. Огромный фактический материал, детальнейшая документация, обилие микрофотографий, интереснейшие главы и аргументированные выводы произвели сильное впечатление не только на меня – неопита, но и на моего учителя – маститого пегматитчика проф. В.Д. Никитина, составившего рецензии на эти отчеты. Через год я познакомился с главным автором отчетов, еще через год начал с ним работать, а потом и дружить до самых его последних дней.

Борис Давидович Эфрос (1932-1994 гг.) родился и жил в Ленинграде, а с 1971 г. в его пригороде Петергофе, известном своим выдающимся дворцово-парковым ансамблем. В военные годы находился в эвакуации в Кировской области. В 1954 г. окончил геологоразведочный факультет Ленинградского горного института. В 1950-54 гг. возглавлял секцию альпинизма ЛГИ. Мастерство и опыт альпиниста были востребованы впоследствии в полевой геологической работе, которая продолжалась без малого 30 лет. Рядовым геологом Борису довелось поработать всего один год, а затем в составе различных производственных геологических организаций и экспедиций 6-го главка (затем “Союзкварцсамоцветы”) он трудился (и очень успешно)

начальником поисковых и разведочно-добычных партий в разных регионах Советского Союза: песках Кызыл-Кумов, Центральном и Северном Казахстане, Кольской тундре, горах Кавказа, Памира и Полярного Урала, монгольской пустыне Гоби. Виды минерального сырья тоже были весьма разнообразны: оптический флюорит, пьезокварц и пьезотурмалин, лазурит, благородная шпинель, рубины и сапфиры, нефрит, жадеит и другие поделочные камни. Долгое время в полевой геологии работали жена Галина Яковлевна Гутцайт и сын Евгений.

В 1982 г. после тяжелой болезни и выхода на пенсию по инвалидности Б.Д. Эфрос был вынужден оставить работу, но не порывал связи со своей любимой геологией и по мере сил продолжал ей служить. Он участвовал в работе различных неформальных обществ любителей камня в Ленинграде, каменных выставок и ярмарок. В многотиражке ЛГИ “Горняцкая правда” регулярно появлялись его интересные эссе с интригующим подзаголовком “Жив ли Данила-мастер?”, навеянным уральскими сказами Павла Бажова. Был секретарем Ленинградского отделения Всесоюзного минералогического общества. Изучал историю и архитектуру Петергофа. В качестве специалиста по облицовочному и поделочному камню принимал участие в реставрации знаменитой порфировой вазы Летнего сада, исторических интерьеров Царицына и Ольгина павильонов на островах Ольгина пруда в Петергофе. Консультировал реставрационные работы в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора Санкт-Петербурга. Посещал литературную секцию ленинградского Дома ученых. Богатый жизненный опыт и философские раздумья органично вошли в его творчество. Не случайно значительная часть стихов, написанных в основном в 80-е годы, навеяна воспоминаниями о полевой геологической работе. Где-то ждут своего часа графические миниатюры Б.Д. Эфроса – его замечательные *фломасты* (термин придумал сам автор – рисовал разноцветными фломастерами).

Обаяние, оптимизм и какая-то магнетическая аура его личности влекли людей к нему, при этом он всегда был прост и открыт для общения. Скромную квартиру в Петергофе помнят многие. Мало получивший при жизни вполне заслуженных им званий и наград (никогда к ним особенно не стремился), Б.Д. Эфрос всегда щедро делился с коллегами, друзьями и знакомыми обширными геологическими познаниями, своей прочной житейской философией, оригинальным взглядом на окружающий мир – и навсегда остался в нашей благодарной памяти.

Ю.Б. Марин, проф., д.г.-м.н.
Вице-президент РМО

Держись, геолог!

Мы ищем то, что не теряли.
Бывает – изредка – найдем.
Природе целиком вверяли
Себя, весной покинув дом.

Скажите, всякий ли сумеет,
Привыкнув к городским домам,
Где даже ветер не повеет,
Забыв уют, уйти к дымам?

Любить костер в походе проще
И в выходной собрать грибы
В соседней загородной роще,
Следя квартальные столбы.

А день за днем и год за годом
В тайге, по тундре и в степях
Не отдыхать, а жить – походом –
На вездеходах и конях?!

Но если не упустишь случай,
Когда вперед ведет мечта,
Откроются – на самой круче –
Под солнцем лучшие места.

Все понимается в сравненьи,
Но без палаток – городов.
И смотрим мы всегда с волненьем
На рост кварталов и садов.

И если там, где помнишь пепел
И запах дыма от костра,
Есть город, сеть дорожных петель –
Жизнь цельна, правильна, остра.

С добрым утром, пустыня!
С добрым утром!
Я вхожу в твой горячечный бред,
И пока твой песок не остынет,
С головы не снимаю берет.

Разреши мне сегодня спокойно
Свой маршрут довести до конца,
И не встретить в лице твоём воина,
И не видеть в своём – удалца.

Помоги мне, хотя бы немножко –
Сыпь пониже холмы из песка,
Проследи, чтоб не вышла оплошка –
Чтобы то, что ищу, отыскал.

Пусть покажет дорогу варанчик,
Метя след на барханах хвостом.
Я закончу свой поиск пораньше,
Прежде чем потемнеет восток.

Затерявшись в просторах пустыни,
Лягу спать на отрезке кошмы,
И, возможно, приснятся мне дыни
И арбузы, и сладкий кишмиш.

Пусть мой сон сохраняют твои звезды,
Пусть лучи их ласкают пески,
Ниспошли кратковременный отдых
И не дай мне изведать тоски.

Вам, коварные пески урочища Баскудук

Тот выдумал тебя – романтика пустынь,
Кто изучал пески по книгам и кино.
Давно исчезли призраки-кусты,
И даже след змеи не видели давно.
Песок, песок, и – сотни раз – песок,
И небо, кажется, засеяно песком.
Отскок от балки, изловчась – подскок...
Дышали тяжело, ругались шепотком.
Хотели б громче, громче не могли –
Пыль в горле, пыль хрустела на зубах,
Старались все на совесть, не за страх,
Следя, чтоб балки в колею легли...
Который час – надрывный стон машин
И вывернутый руль, колеса наискось,
И необычный след – канавой из-под шин
Взрывалась колея, мы рвались на авось.
В сыпучем месиве возможно ль делать гать,
Бежать с бревном по жаркому песку,
Под задние колеса класть и подбирать,
Пот утирать – и к новому броску?!
Ну, сколько можно так – палящей целиной,
И желтизной глазуньи – по глазам,
И солнца белого нещадной белизной –
Пустыне нас учить своим азам?!..
Потом – такыра твердь и соль солончака.
Потом – под боком плотный глинозем.
И будто были мы в плену у Кончака,
И только в сердце – поздний страх – гвоздем.

07.11.83

Автострада Навои – Учкудук

Пересыпают медленно песок
Часов песочных сонные барханы,
Глубинных вод не ведая приток,
Земли последний иссушая сок,
И снятся нам воители и ханы.

В кочующий пейзаж они привносят штрих –
Возникнут в мареве могильник или стела,
Где зыбкий воздух, кажется, притих,
И где орел стремителен и лих,
Сложив крыла, на них садится смело.

И снова сыплется и сыплется песок
По голым, выжженным щекам барханов,
Лавинками стекая из-под ног,
Но рядом – полосы асфальтовых дорог,
Проложенных в пустыне – без изъянов.

Несостоявшееся знакомство

Верблюд стоял поодаль и смотрел,
Как режется арбуз на части,
Ноздрями шевелил и вожделел,
Надеясь в трапезе принять участие.

А мы сидели в Кызылкумах, под мостом,
Прижав к обочине усталую машину,
И наблюдали, как верблюд хвостом
Отряхивал песок с горячей шины.

И тихо радовались, что за двести верст
Прогрешейся асфальтовой дороги
Нам встретился такой уютный мост,
Где можно отдохнуть, расправив ноги.

В прохладной полутьме хрустел арбуз,
И семечки уже в песке чернели,
С двугорбым ощущая прочность уз,
Мы дружелюбно на него глядели.

Но он колючки коркам предпочел,
С достоинством выпячивая губы,
И от машины важно отошел,
Нам показав желтеющие зубы.

Узеньская впадина

Загар пустынный на камнях и лицах
День ото дня все гуще и темней,
И форт Шевченко – местная столица –
Давно не снится в междурыдье дней.

Мы провели в ней более чем надо
Весенних, очень важных нам недель,
Пока сумели получить со склада
Все нужное, покончив канитель.

Теперь на градусник посмотришь – сорок,
А что считать, коль есть горящий план.
И что – мираж, и что – палящий морок,
И наспех, кое-как разбитый стан.

Нам все равно – стремимся к краю впадин,
В борта вцепившись скачущих машин,
Чтоб не упасть, не заработать ссадин,
Глотаем пыль белесоватых глин.

И разошлись. И всяк – своим маршрутом.
И тишина. Природа – во весь рост.
И снизу – вверх, а здесь довольно круто,
Набор пластов здесь далеко не прост.

А форт Шевченко – местная столица –
Давно забыт в чередованьи дней.
Загар пустынный на камнях и лицах
День ото дня все гуще и темней.

... И кто тогда, взбираясь пауками
По стенам впадины, подумать мог:
Геологическими молотками
Сумеем к нефти обстучать порог!

А дверь открылась позже, через годы –
Понадобилось десять лет трудов
В условиях безводных – где здесь воды? –
Теперь сады, где не было садов.

Теперь у моря, на краю пустыни
Встал новый город – карту посмотри!
Бьет черной крови ток и не остынет
Там, где редки кочевников шатры.

Мурзаирская баллада

На восточной окраине полуострова Мангышлак, за песками Саускан, расположено урочище Мурзаир, окаймленное с востока 40-километровыми меловыми обрывам высотой до 130 метров. (Из отчета)

По мере приближения он рос
И ширился, и в небо воздымался,
И лентой грозовой горел обрыв-форпост,
Куда никто из нас не добирался.

Мы всматривались в странный горизонт,
Алевший в яростных лучах заката,
И знали – завтра развернется фронт
Борьбы за расшифровку белых скатов.

Обрывы мощных меловых пластов –
Как чей-то остов в сорок километров.
Любой из нас был внутренне готов
Влезть на плато, в лихое царство ветра.

Но то, что издали казалось нам простым,
Вблизи восстало белыми столбами,
И смелость сразу разошлась как дым,
Когда отвесы выросли над нами.

Но – надо. Надо! Слово иногда
Страх пересилит и умножит волю.
И мы, забыв про крутизну, туда
Полезли, вниз не глядя более.

А в кулуарах свист, камней упавших стук.
Да... Станешь умирать и вспомнишь
Те стены гладкие и дрожь скользящих рук,
Надежду на себя, а не на чью-то помощь.

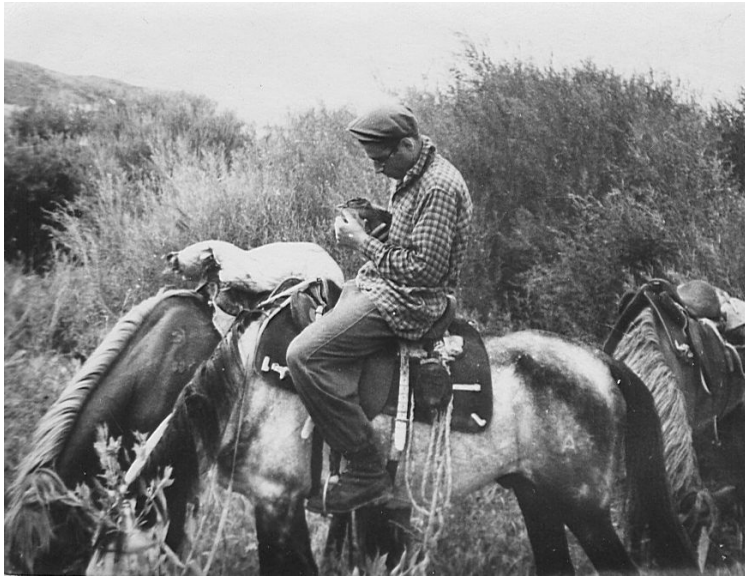
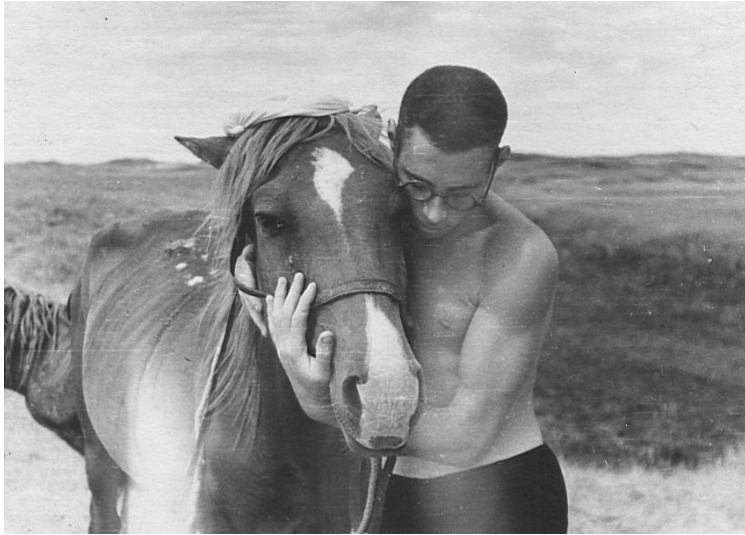
Сто метров – тридцатипятиэтажный дом,
Да образцы рюкзак отяжелили.
Но под карниз мы вылезли – с трудом,
Как будто лишних десять лет прожили...

А сверху мощные колонны и промоины
Летели вниз, рисуя абрис стен,
Пустыни потревоженные воины
То отражали свет, то погружались в тень.

Взгляд в сторону – под плоскостью карниза
Возникла сказка – не из тысячи ночей:
Цепь изумительных пещер, незримых снизу,
Для избранных, наверное, очей.

Надеюсь – в целом мире нет чудесней
Таких пещер, где стены – кружева,
И нет подходов к ним опаснее, отвесней,
Где так бы закружилась голова.

И где вы встретите еще такой обзор,
Внимая солнцу через сто иллюминаторов!
Да жаль туристов – вот бы кругозор
Был обеспечен парой эскалаторов!

В казахстанской степи. 1955 г.

Казахстанские кони

Табун пасется. Сушит ветер
Давно иссохшую траву,
Палатки треплет возле ветел
И обрывается во рву.

Мои друзья, похоже, сыты.
Они задумчиво стоят,
Слегка расставивши копыта.
Трудяги – и на первый взгляд.

Спокойно положив на холки
Друг другу головы свои,
Поглядывают из-под челки
На мух летающих рои.

То очень ловко их хвостами
Взаимно смахивают с морд,
То вместе вздрогнут животами,
Как будто кто-то взял аккорд.

Смотрите вдаль, степные кони,
Красавцы рыжие мои!
Рисую, лежа на попоне,
Тот путь, который предстоит.

27.11.84

Стремительно темнело, шквал шел с запада,
Где только что был красный горизонт,
И запах пыли перекрыл все запахи,
И ждать просвета было – не резон.

Мы разбирали в темноте поводья,
Едва не перепутавши коней,
И в тьму крошечную, как звери в половодье,
Ввергали жизнь, не думая о ней.

Где небо, где земля? – едины лицами.
И кони, про аллюр забыв,
Сорвались и летели птицами
Навстречу фронту, в грозовой разлив.

Слияние с конем – о, чудо древности,
Где на двоих – единый сердца крик.
Я своего любил – но не без ревности,
И заклинал, прильнув: «Держись, старик!»

Гром не был слышен, только молнии
Сшивали золотом окраину небес,
Степь – в сполохах – кентаврами наполнилась...
Вставали мифы, обретая вес.

16.10.83

Арыстантау

Волны на море – далекий мираж,
Явью орлиные тени скользят,
Смотришь вперед или смотришь назад,
Вечность приемлешь и вечный пейзаж –
Волны полого взлетающих гряд.

Ломкие травы и горькая пыль
Стелются следом от жестких копыт.
Дремлет ли конь на ходу или спит,
Я ли дремлю – просыпается быль:
Дикий табун в поднебесье летит.

Бешеный топот и ржанье коней,
Яростный крик и свистящий аркан,
И, замерев как живой истукан,
Тянет красавца сильней и сильней
Цепко сидящий степной великан.

Солнце на западе падает в ночь,
А на востоке пылают костры.
Перед прыжком затаились как рысь,
Жаркие кони размяться не прочь,
Меткие стрелы предельно остры.

Прянув ушами, очнулся мой конь,
Мерно скрипит и качает седло.
И не стемнело – довольно светло,
Да и смешно опасаться погонь,
Вот и на сердце уже отлегло.

12.11.84

Вам, грозовые горы Уллу-тау

Солнце любит появляться
Из-за тех высоких гор,
И не стоит удивляться
Или ввязываться в спор.

Посмотри, как тает дымка,
Золотит ее заря,
И на бывших невидимках
Шапки красные горят.

Мелкосопочник проснулся,
Тени стягивая с плеч,
Холм ближайший окунулся
В плес, желая всех увлечь.

И взметнулся желтый бубен
Над гранитом древних гор.
Было так всегда и будет –
Я готов идти на спор!

25.10.84

Зачем же я вторгаюсь в тишину,
Внося свой пульс ускоренный и жаркий
В глубины плеса, в неба вышину
И, разорвав сомкнувшиеся арки
Простершихся над головой ветвей,
Взвожу курки? Левей, еще левей...
Там медленно, беззвучно и красиво
Плывут два селезня в разрывах камышей,
И отраженья изумрудных шей
Кольшутся и движутся лениво.

Возьмет ли верх охотничий азарт,
Или инстинкт подавит первобытный
Несостоявшийся художник самобытный –
Натуралист еще со школьных парт?

28.11.84

Тузкульскому озеру

Там марево дрожащее,
Слепящий белый свет,
Там явно жизнь входящая
Вся сводится на нет.

Бледнеют склоны мертвые,
Спускаясь к берегам
Так нехотя, с увертками,
Как к самым злым врагам.

Пугающе молчащее
Соленое пятно,
На грязи возлежащее,
Не утяни на дно!

25.10.84

В равнину вплыли горы-одиночки
Ушами настороженной земли –
На нашей карте крошечные точки,
Песчинки серые на серой же пыли.

Но здесь, в природе, гладкие лиловые
И розовые – ровен был закат –
Касались неба спины их слоновые,
И животы их были не в обхват.

Дорога жалась к их ногам и хоботам,
Пересекая свет, пронзая тень,
И вспыхивали юрты белым ободом,
Костры горели, провожая день.

А нас несло как перекасти-поле
Ветрами в степь. Очередной ночлег
Мы ближе к звездам выберем – на воле,
Когда усталость оборвет разбег.

06.12.83 – 02.08.85

Разбегаются искры по веткам сосновым,
Едкий дым покачнется и плавно плывет
В необъятную ночь, удивившую снова,
Где подкову-луну кто-то звонко кует.

Метят блики кору полусонных деревьев –
Длинный день позади и у нас, и у них.
Только ветер взметнет, налетев, растеребит
Черных листьев копну. Вроде снова затих?...

И качаются сны, будто детские люльки,
Вверх несут или вниз, по волнам, по волнам,
И подковой – на счастье – расставив рогульки,
Мирно светит луна, обращенная к нам.

Щучьему озеру Боровского массива

Окончив маршруты, в твои окунались глубокие воды,
Где мирно покоились спины заросшие гор,
И плыли цепочкой, как будто вели хороводы,
Неслышно, как рыбы, и молча, как их разговор.

И звездные вспышки – не где-то, а здесь, под рукою –
Сводили на нет неохватность пространств и миров,
И все беспокойство тонуло в минуте покоя,
Хоть зыбок фундамент, да неба надежен был кров.

Сливаясь во тьме с незаметною черной волною,
Мы сами твоей становились упругой волной,
И в черную глубь, где казалась вода ледяною,
Стекала усталость – и сгустком ложилась на дно.

05.11.83

Северный Казахстан, Новоромановка.
1959 г. Слева направо: геологи Аркадий
Климкин, Анатолий Чернявский, Галина
Гутцайт, Борис Эфрос и Валентина Смир-
нова.

Казахстан, 1964 г. В степном просторе.
Поисковый По-2 над лагерем.

Прекрасному пилоту – Борису Кадомцеву

Мелькают сосны, просеки, озера,
Вершины сопок, обнаженья скал.
Взгляд мечется по склону косогора
И упирается в лесной завал.

На землю взгляд – и в карту на коленях,
Маршрут не прост – вираж, еще вираж.
Определить, куда лететь, в мгновенье
Пилоту помогает летный стаж.

В окошке маленьком, в перегородке,
Видна его седая голова.
А я верчусь как уж на сковородке,
Бросая в рев неслышные слова.

Смотрю за борт, в калейдоскоп зеленый,
Пытаясь белый отыскать развал.
Меня бензиновый и прокаленный
Назад в кабину сбрасывает шквал.

Летит По-2 – фанерная коробка,
Сказать точнее – по земле ползет
Как крошечная божия коровка
И поиск сверху пристально ведет.

За колпаком пластмассовым мелькают
Скалистые распадки и ручьи.
И постепенно наши силы тают,
Как тают солнца красного лучи.

И приземляясь на опушке леса,
Едва палатки не задев крылом,

В горизонталь срываемся с отвеса
И падаем в цветы как майский гром.

И час лежим в тупом изнеможеньи,
Раскинув руки широко в траве,
Забыв на время скорость и движенье,
И мерный гул в тяжелой голове.

И снова слышим – шепчутся осинки,
Поет пчела, в песке журчит вода,
И даже прошлогодние былинки
Звенят как над дорогой провода.

Нам снова небо синее дарует
Покой, сияние и тишину.
Конь лесника побрякивает сбруей
И тихо трется крупом о сосну.

*Радику Мулдагалиеву, Рудольфу Брему, Борису Кадомцеву,
Валентину Пирогову, Валентину Сухову – всем пилотам
малой авиации, с которыми приходилось висеть в небе
Казахстана долгими, нескончаемыми часами.*

Как бусы под крылом сверкают плесы,
Теченья нет – стоячая вода.
Застыло время. Не звенят как осы –
Молчат антенны чуткой провода.

Привычен рев мотора вне кабины
И клонит в сон, и солнца диск слепит.
Земля – пласт грубо обожженной глины –
Нетронута и безмятежно спит.

Мы в воздухе висим как привиденье
В безоблачный и раскаленный день.
В существованьи времени – сомненье,
А вот пространство отмеряет тень.

Тень стрекозы, скользящая за нами,
Не нарушает сонный мир степей...
Спи, небо мирное, над табунами
И рокотом не потревожь коней!

08.11.84

Новоромановскому гранитному массиву

Гранитные плиты, гранитные скалы,
Простите, мы вас извели на отвалы
В прекраснейшем в мире сосновом бору.
Простите, мы скоро уйдем подобру.
Мы только возьмем то, что спрятано вами
Под цепкими черными сосен корнями.
Чуть-чуть потерпите, встревожим вас взрывом,
Полетом камней к зеленеющим гривам.
Простите, поверьте, так надо – и очень –
Раскрыть вашу тайну, увидеть воочию,
Что здесь рождено и веками сокрыто.
Что толку в словах, если все здесь изрыто?
Мы в том не нуждались, блуждая в пещерах
И путаясь в лодках по речкам и шхерам.
Нас много теперь – миллиарды – считают,
И много-многого нам не хватает.
В технический век напряженья умов
Стал день не рассветом – открытием нов.
Наукой процессы осмыслены точно,
Звучат их названия веско и сочно.
И каждый малыш очень скоро поймет,
Что даст нам прогресс, а затем отберет.
Еще раз прости, изумительный лес,
Я честным вором в твои тайны залез.

13.11.83

Памяти Новоромановского месторождения флюорита

В поля пшеничные сбегал сосновый бор
С гранитных скал, вздымавшихся упрямо.
И просека сквозила как пробор
По темени горы – легко и прямо.

И были видны далеко окрест
Деревни и казацкие станицы,
Дороги, змеями вползающие в лес,
Опушки синие цветущей медуницы.

Курчавились осины по логам,
Пересекавшим прихотливо нивы,
И дальние озера здесь и там
Поблескивали, сонны и ленивы.

Смолистый воздух был кристально чист,
Топорщились колючие иголки,
И гриб, приподымавший шляпкой лист,
Подсматривал как гномик взглядом колким.

Легко дышалось в солнечном краю
На красных останцах, в кустах малины...
Прошла та юность, словно жизнь в раю,
Оставив нам прекрасные былины.

На реке Орь

Уже коснулось солнце ближних гряд,
Прощально оглядев долину.
И разливался широко закат,
Окрасив плеса выпуклую спину.

И потемнели в сумерках кусты,
Ко сну готовились, заглядывая в воду,
Где окуни стремительно хребты
Кругами возносили к небосводу.

И в красном зареве так яростен был клев –
Чертили дуги золотые рыбки,
И быстротечный сказочный улов
Не мог не вызвать радостной улыбки.

19.11.84

Казахстан, 1964 г. Камералка.

Калай-Хумбский перевал – ворота в Юго-Западный Памир, 1969 г. Учебное наглядие.

Бадахшан

Мой край вознесся над долинами,
Главенствуя и напрягая все окрест.
Пик Муй-Сафет – Украшенный сединами –
Своеобразный символ здешних мест.

А наши старики – их живописны лики –
Достоинно ходят среди редких тополей,
Врезают в склоны гор бесчисленные арыки –
Сосуды кровеносные полей.

А в наших женщинах традиционна гордость,
Их голос слышен наравне с мужским,
Их руки нежны, если нужно – тверды
Как скалы, что скрывают кишлаки.

А наши дети часто сероглазы,
Течет в их жилах кровь македонян,
Они смелые, веселые пролазы,
И редко в ком из них найдешь изъян.

У нас в домах гостеприимство свято,
И даже ночью дверь не заперта,
И путнику, чье прошлое богато,
Внимаем молча мы, не раскрывая рта.

Ты поднимись к нам в этот край суровый
Изрезанных столетьями гребней
От суеты сует, метаний бестолковых –
Жизнь выверишь и станешь сам сильней.

19.10.83

Тебе, удивительное ущелье

В твое ущелье я влюблен,
В твои стремнины, Сист,
Смятением пенным озарен
Под грохот, скрежет, свист.

Здесь камень, пущенный пращой
С предельной глубины,
Сверкнет и канет под водой
И не создаст волны.

А выше, где каньон сомкнул
Над нами две стены,
Громовый грохот утонул
Средь снежной тишины.

В глухом молчаньи между скал
Змеился вверх ледник,
К своим истокам не пускал –
И все же я приник.

Угрозой срыва каждый шаг
На ледяных верстах,
Хоть брось рюкзак и тихо ляг
У снежного моста.

Я не заметил, как отвес
Вдруг превратился в склон –
В каньон ворвалась синь небес
Как явь в тяжелый сон.

Раскрылось снежное плато
В венце сплошных гребней.
Ушла усталость, шаг зато
Стал тверже и верней.

Звенело солнце, словно нимб,
Над головой горы,
И звало ввысь идти за ним,
Прощаясь до поры.

В искристых сумерках у ног
Синели лепестки.
Я насмотрелся, сколько смог,
На нежные цветки...

Влюблен в нетронутость твою,
В твои истоки, Сист,
Оставил душу здесь свою
Геолог – не турист.

24.09.83

Памир, 1970 г.
Манюня –
надежный спутник.

Памир, 1970 г.
Ущелье Ляджвар-
дара на фоне пика
Маяковского.

*Дорогому памирскому другу Манюне и его сородичам –
с искренней симпатией и глубокой признательностью.*

Ишак “ослом” давно прослыл –
С Эзопа или ранее,
А мне он бесконечно мил,
И дорого старание,
С которым маленький ушан
Тащил поклажу вескую,
Определяя малый шанс
Над страшными отвесами.
А как он проходил мосты –
С них страшно даже глянуть вниз –
И продираясь сквозь кусты,
Влезал на узенький карниз!
А если видел – не пройти,
Сказать не мог – не выучен,
Ложился поперек пути,
Кося глазами – выручи!
А если сразу не поймешь,
Что прав ишак, естественно,
Ослom беднягу назовешь,
Поддашь ему существенно.
И если сам ты не осел,
Поняв, прощенье выпросишь,
А мостик, что совсем просел,
Как сможешь, так и выправишь.
И снова, по тропе пыли,
Любуешься созданием,
Которое, как ты и я,
Наделено сознанием.
А ножки – как у балерин,
Пуантами – да в камушки,
А губы – словно пух перин
Иль теплые оладушки.

А на привале, у воды
Возьмешь за уши длинные
И шепчешь: “Вон до той гряды
Ты потяни повинную”.
Когда же кончится маршрут,
Вздохнем мы оба радостно,
И он пойдет гулять без пут
Раскованно и сладостно.

14.10.83

Тебе, ущелье Вез-дара.

Ночь призрачна. Громады черных стен
Торжественно спускаются в долину
Невидимой отсюда Шах-дары.
Используя часы ночной поры,
За дальний гребень спрятав спину,
Ущербная луна все превращает в тлен.

Морену смяв, к палатке сполз ледник,
К ней прикасаясь мертвенным оскалом,
В лед превратив звеневшие ручьи.
Где человечество? Мы – в космосе, ничьи,
В молчаньи пред зияющим провалом,
Где до глубин души свет призрачный проник.

25.10.84

Памир, 1971 г.
Главное произведение – полевой дневник.

Памир, 1971 г. В маршруте с сыном Женей.

Льет синий свет луна на склоны гор,
В молчаньи высящихся как надгробья.
Ледник разорванный, как голубой подзор
Огромной скатерти, свисает в изголовьи.

Дрожат и мерзнут звезды надо мной,
И я не прочь бы где-нибудь согреться.
В большом застывшем мире под луной
Ни мне, ни звездам никуда не деться.

Нам нужно след, пусть слабый, на земле
Оставить после каждого ухода.
Я стойко мерз на каменном столе
И дожидался раннего восхода.

16.11.84

Памир, 1971 г.
Кишлак Бадом.

Памир, 1971 г.
Промежуточный
лагерь в ущелье
Ляджвар-дара.

Юному проводнику из кишлака Санжон

Я в кедах шел, ты – в сапогах,
Копытцами звенел ишак,
Свежо – на первых-то порах –
Стучал ушастенький чудак.

Мы по ущелью шли в горах,
Меняя темп, сбивая шаг.

Наш друг пружинисто взбегал
На длинный, на короткий взлет.
Хаос камней. Тут и Шагал
Унял бы вымысла полет.

За каждым поворотом скал
Мы ожидали новый брод.

А там, где пряталась тропа,
Морена диктовала ритм.
Кто оступился – тот пропал,
Казалось, кто-то говорит.

И в блестях пенных струй – опал,
Нам чудилось, горит.

Жгла ноги льдистая вода,
А плечи – терпкий зной.
Вставала за грядой гряда
Как занавес сплошной.

Спектакля, правда, нет, когда
Есть край не показной.

Подъем был крут. Ишак устал.
Мы выбились из сил.
И все ж никто не отставал,
Пощады не просил.

И ты давно уже молчал,
И друг не голосил.

Сместилось время в трех умах...
Мы – мельче мелюзги.
У этих гор – такой размах!
Настигла ночь – ни зги...

Палатку ставили впотьмах,
Сняв кеды, сапоги.

Только друг свою обувь не снял
На неяркой сгоревшей траве,
Тихо звездное небо качал
На ушастой большой голове...

12.10.83

С перевала Глиссер

Кончились скалы, и фирн преграждает
К травам оставшийся путь.
Что-то нас новое здесь ожидает –
Технику лыж не забудь!

Глиссерный спуск – на ногах как на лыжах,
Взрывая ботинками наст.
Взлетает стремительно выше и выше
Наклонный сверкающий пласт.

Мы падаем сверху прямо к долине,
Где пенный грохочет ручей,
И триконей след оставляем на глине,
Блестящей от вешних лучей.

12.01.84

Юго-Западный Памир, 1971 г. Геологи Галина Гутцайт и Владимир Антипанов изучают пегматитовую жилу.

Памир, 1971 г. Четверо в пути.

*Памяти большого труженика и душевного человека
Паллы Сайдинова*

Сезон – к концу, покой – душе.
Забыв тяжелый путь,
Сидим мы в лагере уже –
Не надо спины гнуть.

В руке Сайдинова Паллы
Зажата пиала,
И пьет он спирт из пиалы
На краешке стола.

И смотрит солнце под навес
На тех, кто с гор пришел.
И ест траву, а не овес
Измученный осел.

На запах спирта в пиалу,
Покинув небеса,
А может быть, вон ту скалу,
Спускается оса.

И в зелье усики смочив,
Довольная звенит
И, осмотрев верхушки ив,
Взлетает вновь в зенит.

И обращается Палла,
С улыбкой глядя вслед:
“Наверно, празднует оса
День именин, сосед?”

Наверно, надо пожелать
Ей жизни много лет,

Работать много – не устать,
Как думаешь, сосед?”

Ты мудр, погонщик ишаков,
А может быть, ослов.
Твой тост воистину толков.
Мы пьем без лишних слов.

*Исмаилу Гулимасайнову, верой и правдой служившему
экспедиционному делу добрых сорок лет*

Спокойной не было воды –
Здесь вниз летела пена,
И пахло запахом беды,
И кровь стучала в венах.

А ветхий мост летел наверх,
Не мост, а перемычка.
Здесь спасовал бы суевер,
Переменившись личиком.

Но Исмаил не первый год
Вел караваны в горы.
И запах бед, и вкус невзгод
Ему еще не горе.

Ишак развьюченный дрожал,
Водя пугливо глазом,
А проводник его держал
Двумя руками сразу.

Держал, веревку натянув
Над пеною ревившей,
Как вдруг ишак, взбрыкнув,
Исчез под мостиком просевшим.

Не растерялся Исмаил,
Не отпустил веревку
И помощи не попросил,
Надеясь на сноровку.

Каким-то чудом наш ишак
Поднял над пеной уши –

Мы дотянулись кое-как,
И ... он уже на суше.

Стекали струи с ишака,
Косившего глазами,
А Исмаил дрожал слегка
И разводил руками.

Подобный кадр увидишь раз
За все свои походы,
И не найдешь достойных фраз,
Как не найдешь и брода.

Назад всю сцену прокрутив,
Нашли мы в ней усладу
И, обсыхая возле ив,
Смеялись до упаду.

Памир, 1969 г. Геологи Борис Эфрос и Николай Турылев на фоне афганских снегов.

Памир, 1971 г. Рекогносцировка. Ценные указания начальника партии.

Пустая штольня на высоте 4600 м

Мы держим карту, карту прежних лет,
А поиск шел в рискованных местах.
Породы – в склонах, их прослежен след
По контрфорсам черного хребта.

Но разве можно рассмотреть в бинокль,
Где то находится, что требуется нам?
Кой черт увидел здесь руду? Вот цоколь
Гнейсов, выше – все вниманье мраморам.

Здесь телескоп и тот бы не помог:
Стена отвесная и осыпей размах.
Ни дьявол не поможет, ни сам бог,
Ни пядей семь в насупившихся лбах.

А за спиной проткнула синь гора –
Пик Маяковского. Ну, помоги, поэт!
Нужна ли мраморной стене дыра?
Скажи, нам делать штольню или нет?

А за спиной – застывший океан,
И пенятся снега на взлетах волн,
Как будто мы попали на сеанс
Про десять тысяч гор и сотню солнц.

Кругом все вечно, только сход лавин
Напомнит нам о бренности всего.
И как-то надо выбить этот клин –
И штольней взять руду из ничего...

С отчаянным трудом, но как на грех,
Хоть пройден гребень, только – в пустоту.
Ухмылки видим мы и слышим смех.
Простим их глупость или простоту.

И верно: в грамм – добыча, в год – труды.
Пустая штольня – шрамом на стене.
И вот уже – их новые ряды,
И есть руда – в руках, а не во сне.

12.11.83

Есть необычный камень – лазурит,
Он там рожден, где синевой горит
Под ярко-синим куполом небес
Снег на вершинах и на ледниках,
Где неприступный высится отвес,
И где преградой людям вечный страх –
Страх перед грохотом обвалов и лавин,
Страх перед ревом буйствующих рек,
Страх перед мощью обнаженных спин
Скалистых гребней. Смертный грех
Мог лечь на тех, кто шел наперекор
Заветам предков, гневу их богов –
Ютиться лишь в долинах снежных гор,
И действовал закон от тьмы веков.

Но все же дух всегда стремился ввысь –
Карабкался охотник вверх и вверх,
Туда, где горные козлы паслись,
И забывал на время суевер
О вечном страхе путника в горах,
Где смелость обращалась в прах
Незыблемым величием хребтов.
И был один из смельчаков готов
Спускаться вниз с очередной гряды,
Когда его неосторожный взор
Открыл в струе мятущейся воды
Пронзительную тайну синих гор.
Осколок неба был в его руках,
Да он и сам сошел сейчас с небес,
И пересилен был привычный страх,
А красотою камня – древний бес.

Тысячелетия прошли, а камень жив,
Жив в амулетах, бусах, сотнях ваз.
Всю синеву в столешницы вложив,

Жив камень вечной радостью для глаз.

И не для стрел, копья или меча –

Так каждый летописец отмечал –

Стал людям нужен синий лазурит.

Их камень цветом неба привлекал

И неосознанным влеченьем высоты,

И ощущением небесной красоты.

Мы лезли вверх и вверх по кручам,

И круче не было стены,

И скал еще таких сыпучих

Мои не помнили штаны.

Они истерлись на коленях

За этот каменный маршрут.

Казалось мне, еще мгновение –

И горы вниз нас повернут.

Но на пределе сил возможных

Мы продолжали вверх ползти,

Где надо – были осторожны,

Твердили мысленно – пусти,

Пусти к себе, гора крутая,

Позволь на твой подняться верх,

Нам истина нужна простая –

Поистиннее многих вер.

Нам надо просто убедиться,

Что красота еще жива,

Соприкоснуться и гордиться,

Что не пустые то слова.

Мы продолжали лезть по склону

Как одержимые – наверх!

Там на вершине непреклонной

Снегов рождался пересверк.

Ляджвар

Над лагерем застуженным, заснеженным
Висит луна как матовый плафон.
Спят где-то сном открытым и изнеженным,
А здесь – спеленутый тяжелый сон.

И вместо водопада – ледопад
Таинственно искрится в черной раме.
И в предстоящей драме невпопад
Все роли мы распределили сами.

Кто должен был остаться – тот ушел,
Кто должен был уйти – решил остаться,
Тот к слабости другого снизошел,
Тот не хотел со слабостью считаться.

И здравый смысл остался в стороне.
Добро и зло сплелись, перемешались,
В спеленутом натужном сне
Под лунным светом как-то совмещались.

А истина сияла в вышине
Голубизной снегов и ледников висячих,
Светилась изнутри, а не извне,
Сокрыта для слепых, доступная для зрячих.

08.11.83

Спасательные работы

Если крылья палатки не ветром взметнет,
А встревоженным криком – беда!
Словно молния мысль одна промелькнет:
Тот, кто верит, стремится сюда –
Тот, кто верит, что сможет понять и помочь,
Ложный страх отличив от беды,
Успокоить и выйти в зовущую ночь,
В перепады ревущей воды.

Только твердый расчет сдержит чувства в узде,
Ритм движенья и воли запас.
Так всегда происходит, всегда и везде,
Когда надо, чтоб кто-нибудь спас.

Памир, 1971 г. Столпотворение на тропе.

Кручи Полярного Урала. 1976 г.

Я не ехал за туманом,
Не стремился за мечтой,
Но сражен я этой странной
Тихой северной красой.

Здесь нет совсем голубизны,
И серо, скромно небо,
Но в обаяньи новизны
Смотрю, ведь я здесь не был.

Смотрю: лежат тела лесин
На пестрой мха постели,
Огонь берез и жар осин
Съедают зелень елей.

Вот пиками торчат травинки
В соседстве с листиком-щитом,
Расшиты бисером росинок
Стоят, продрогли под дождем.

А там нарядною девчонкой
Березка заглянула в бор –
Так голосок солистки звонкой
Вплетается в могучий хор.

И елей тонких занавески
На глади пепельных озер
Напоминают мне известный
Гравюр чарующий узор.

Вокруг наследье ледника,
Холмы мягки и голы,
И камни смотрят свысока
На перекаты Колы.

А в стороне плывут Хибины –
Огромны, холодны, пусты.
И их заснеженные спины
Величественны как киты.

09.09.69 – 11.09.69
Поезд Апатиты – Мурманск

Прощай, Гоби!

Садилось солнце красной юртой
На пыль померкнувших степей.
Луна вползала змейкой юркой
Пасти расседланных коней.

Полярный Урал, 1975 г.
Полевые будни. Найдены коллекционные рубины.

Полярный Урал, 1976 г.
Вперед, на месторождение рубинов!

Кто мял тебя могучими руками
И гладил кто каленым утюгом,
Урал Полярный? Неужели сами
Поднялись горы, что стоят кругом?

И почему на рыжих великанах,
Как после оспы, глубоки следы?
Поверить можно ли, что ледниками
И кары созданы, и озы у гряды?

И почему, как наважденье, сходство
С поверхностью изъеденной луны?
Возможно ли, что это первородство –
Глубинное движение волны?

И тишина как после сотворенья
И тверди, и снегов, и изумленных звезд,
И чувство – равносильно озаренью –
Как сложен мир и как предельно прост.

04.10.84

Полярный Урал, 1976 г.
Притягательный объект
для геологов
Марка Энгельке и
Бориса Эфроса.

Полярный Урал, 1976 г.
Борис Эфрос - старший геолог Полярно-Уральской партии
121-ой комплексной экспедиции (шестой слева).

Мише Сорокину

В светлом небе – снежинки несчетные.
Час за часом, за часом час
Темно-серые, четко заметные
Заметают и горы, и нас.

И ни конным, ни пешим, ни летчикам
Не добраться, не снять, не спасти,
И испытаннейшим вездеходчикам
Нет сюда колеи, нет пути.

С этим месивом снежным – не драться же,
Не сердиться, ругая судьбу.
Вряд ли здесь виновата и рация,
Что молчала в ответ на мольбу.

Сухари да весь порох оставшийся
Строгой мерой придется блюсти...
Погибает лишь растерявшийся.
Ну, а нам ... должно повезти.

12.11.83

В минуту слабости

Я их не вижу – чувствую щекой,
Порывом резким их бросает ветер.
Пытаюсь защититься я рукой,
А получаю тысячи отметин.

Нешуточно меня сбивают с ног
Мельчайшие как мошкара крупинки.
И я – большой – почти что изнемог,
Поддавшись силе крошечной снежинки.

Безумна ночь и обезумел снег –
Мне не дойти до светлого окошка.
Без воли я уже не человек,
А гибнущая в паутине мошка.

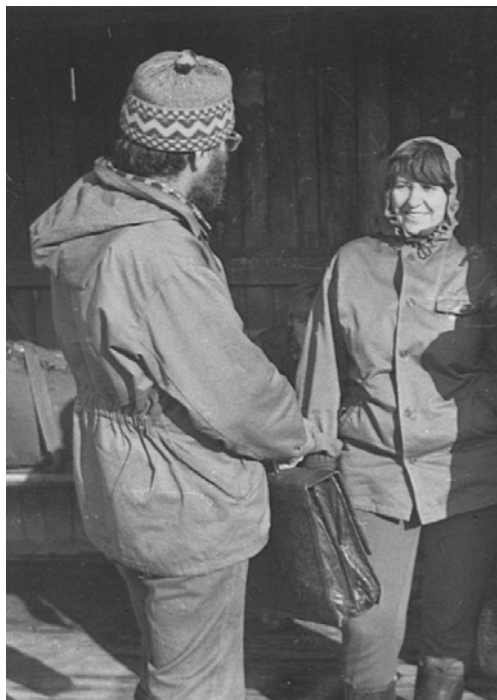
Я напрягаю силы и зову
Из памяти темнеющего грота
Героев льда. И держат на плаву
Меня слабеющего – не иду, плыву –
Лишь тени Амундсена, Нансена и Скотта.

Радостное расставание

Тропа по склону шла и пропадала
В высоких травах, в ельнике густом,
И встречи никакой не предвещала
В краю людьми забытом и пустом.
А там внизу, в камнях, звенела речка,
Вершило солнце свой почетный круг.
Но впереди – какая-то осечка...
Там что-то грозное возникло вдруг!

“Мишка, Мишка, где твоя улыбка,
Полная задора и огня?
Самая нелепая ошибка, Мишка, –
То, что ты уходишь от меня...”

Слова давным-давно забытой песни
Бессмысленно вертелись в голове,
Вертелись и звучали все чудесней,
Ведь мишка мял кустарник, плыл в траве...
И уходил! Я был ему не нужен!
Ошибкой явной – встреча на тропе,
Где я еще дрожал и был сконфужен,
А он, пожалуй, не оторопел.
Он сразу удобу мою приметил
И то, что сед я стал и полысел.
Был взгляд его не зол, и даже светел.
Исчез он. Я же ... на тропу осел...

Монголия, 1973 г.
Геологи
Борис Эфрос и
Галина Гутцайт.

Полярный Урал,
1976 г.
Лолгие проволы.

Гале Гутцайт

Кто не таскал тяжелых траков,
Коль разувался вездеход,
Кто не сидел в нем враскоряку
И не искал возможный брод,
Кто не дрожал в нем на стоянках,
Ломая ящик на дрова,
И кто не грелся спозаранку,
Пока не вытает трава,
Кто не грузил, ворча сурово,
Все вперемешку, торопясь,
И кто не глох порой от рева,
На все на свете рассердясь,
Кто не проваливался в ямы,
Не пробовал мерзлотных вод,
Не двигался вперед упрямо
По наледям среди болот,
Тот может тихо и достойно
Смотреть в кино на вездеход
И мысленно свершить спокойный
И восхитительный поход.

26.11.84

Короткое интервью

- Не тяжек ли в руке зажатый молоток?
– Пожалуй, нет. Давно к нему привычна.
Уже не первый год. Не первый мой виток –
Маршрутом по Земле. Нет, все отлично.
- Не тяжек ли рюкзак? Неужто и к нему
Привыкнуть можно после лет скитаний?
– Нет, лучше без него. А вам бы – самому...
Попробуйте, не станет он желанней?
- Не труден ли в горах и по болоту путь?
– Двумя словами трудно вам ответить.
Бывают сложности, но можно отдохнуть,
Собрать цветы – цветы вам все осветят.
- В палатке и тайге не страшно ли одной?
– Природа – чаще друг, и это важно.
А в городе ночном, в безлюдьи, где стеной
Безмолвные дома стоят – не страшно?
- Не тянет ли домой, к родному очагу,
Не всю же жизнь – романтика с кострами?
– На часть вопроса я ответить не смогу,
Дождливыми скучаю вечерами.

11-12.09.85

Гале Гутцайт

Глаз радует тундра – стремительна осень:
Краснеют изящные листья березок,
А в них кое-где – голубичная просинь
И в желтых ресницах – мерцание слезок.

В ожогах лишайников – россыпи сланцев,
И тонкие стебли сквозят через ягель,
Торчат семена из коробочек-ранцев
С мечтой о весне сквозь зимы передряги.

Идешь с рюкзаком – где же в тундре лукошки –
Мнешь яркий ковер, он до самого моря.
А сочные ягоды желтой морошки,
Наполнив ладонь, с солнцем северным спорят.

Стремительна осень. Глаз радует тундра,
Буря, краснея, желтея, алая.
Природой рассыпана пестрая пудра,
Сравнимы ли с нею газон и аллея?

Искусные руки – и те не сумеют
Создать красоту, неподвластную людям.
Кто осень здесь прожил, тот вряд ли посмеет
Сравнить ее с тою, что в парках мы любим.

28.11.83

Л.Г. Кузнецовой

Я вашим письмам рад,
И в то же время горечь
Незванных тайных слез
Они в себе несут –
За фразами сквозят
Щемящей далью горы,
Раскаты частых гроз
Прносятся в лесу.

Рюкзак собрать – и к вам
По облакам и тропам –
Встречать рассвет в пути,
Усталым падать ниц,
Довериться словам
И снова расторопно,
Настойчиво идти
Вдоль призрачных границ?

Но где-то есть предел
Желаниям и грезам,
Настойчиво судьба
Нам сокращает путь.
Я зря рюкзак задел,
И не страшны мне грозы...
Случается, изба –
Конечной жизни суть.

Под звездным покрывалом спит Земля,
Раскрепощая мышц натруженные груды,
Губами еле слышно шевеля –
То волны моря или пена у запруды.

Она беспомощна, смежив глаза,
И волны снов – то сладких, то тревожных –
Как запах роз иль страшная гроза
Таят неясности путей возможных.

Что завтрашний ей обещает день?
В нем будет боль и радость вперемешку.
Земля моя! Увидев свет и тень,
Надеюсь, добрую ты сохранишь усмешку.

22.02.84

Эстет
(Результат разговора с В.Г. Игнатьевым)

Очаровывает сразу
Этот камень – чароит.
Я с чернильной астрой вазу
Ставлю рядом, пусть стоит.
Сочетание – по глазу –
Удивительнейший вид!

20.10.83

Безразличному к красоте камня

Ты безразличен к камню – допускаю,
Бесстрастность – не твоя вина.
Но жаль, скользких взглядов не ласкают
Природы красота и глубина.

Порою в камне все оттенки моря,
То плавный ход, то бешенство волны,
Ты присмотришься – как будто шторму вторя,
Движеньем вечным прожилки полны.

Здесь синь небес соседствует со снегом,
Так цепи гор уходят в высоту.
А здесь – пожар. То лавовым набегом
Вулканы отжигали красоту.

Соприкоснись – поймешь: живые судьбы,
Характеры, рожденья – тайны тайн,
Подобные людским – своею сутью
Заполнили всю Землю до окраин.

Вот брекчия – то камень встретил грудью
Удар глубинной яростной волны.
А этот подвергался многопудью
Давления спокойного стены

Пород, на нем лежащих безучастно –
Формировался розовый кварцит.
А вот – в глаза глазами смотрит властно
Кипевший магмой некогда гранит.

Когда, мой друг, движением привычным
Ты тянешься за ложкой и ножом,
Гуляешь с настроением отличным
Вдоль парапета, с малым багажом

Познания проходишь у столешниц
И смотришь на скульптуры у пруда,
Касаешься рукой колонн столетних,
Что – камень для тебя, и что – руда?

20.10.87

Янтарь

Обрати свои взоры назад
В глубину и мерцанье веков –
Мифы древних тебя озарят,
И услышишь ты цокот подков.

С колесницею слит Фазтон –
Кони к жаркому солнцу несут.
Нет спасенья, чуть слышится стон,
И к отцу не вернуться на суд.

Горд и смел безрассудный юнец.
Хоть похвально стремление ввысь.
Плачут сестры, предвидя конец.
Сердце девичье, не разорвись!

То ли жаркие слезы – в песок
Из-под дивных девичьих ресниц,
То ль смола – удивительный сок
Тех деревьев, что видели сны?

Кто нам скажет, где ложь, а где быль?
Все смешали сказители встарь:
Золотистые сгустки и пыль
Превратились на солнце в янтарь.

Слезы? Пена морская? Смола?
Льется теплый живительный цвет.
И недаром извечна молва,
Что янтарь – это солнечный свет.

Кто найдет, тот получит заряд
Счастья, бодрости, верной любви.
Если станет вдруг блекнуть заря,
Гладь янтарь – вновь ее призови!

11.01.84

Прощальный вальс

Ветер северный. Холодно. Май.
Не успев отцвести, облетает –
Словно облако белое тает –
Цвет крылатых пронзительных стай.

А навстречу холодным ветрам
Улетают, не сбывшись, надежды,
Сбросив юности чистой одежды,
Доверяясь таежным кострам.

Не измерить ничем, не сказать,
Слов не хватит – дороже молчанье.
Вырастает и крепнет отчаянье,
Не сумею все узлы развязать.

Гаснет медленно розовый край
Белой ночи, плывущей в заливе.
И стихает на дремлющей ниве
Ветер северный. Холодно. Май.

Песенка новорожденного

Я родился достаточно скромным,
И не встречен букетами роз,
В уголке был пристроен укроном
Под трескучий крещенский мороз.

Вряд ли в малом объеме пространства
Я на радость родителям рос,
С молоком дух впитав вольтерьянства,
По характеру – сущий Эфрос.

Говорила мне мама, бывало:
Ты бы лучше играл в домино.
А я, взявши с собой одеяло,
Лез на горы и пил там вино.

Говорила мне мама: другие
Не рискуют ломанием ног.
А я горные лыжи тугие
Плел к ногам и катался как мог.

Говорила мне мама: геолог –
Это, значит, сопьешься вконец.
А я, влезши под марлевый полог,
Из цветов плел роскошный венец.

И в горах, и в тайге, и в болоте
Делал дело и песенки плел –
По своей, в общем, жил по охоте
И, пожалуй, кой-что и успел.

А еще воспитал я ребенка
По понятиям своим, не чужим.
Ну, и если позволит силенка,
Мы еще кое-что совершим.

Вот за что мне так хочется выпить —
За врожденную скромность мою.
Для того только стоило выжить,
Чтоб вы знали, о ком я пою!

19.01.88

Полярный Урал, 1976 г. Начальник Полярно-Уральской партии Виктор Карпенко и старший геолог Борис Эфрос.

Полярный Урал. 1976 г. Последнее поле. Оглянись, уходя!

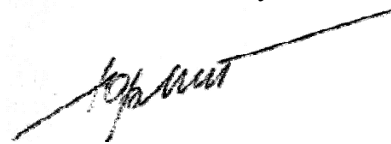
Штрихи к портрету друга

Геология – одна из самых романтических профессий. В нее идут и в ней остаются люди, избравшие нелегкий, порой опасный труд, способные адаптироваться к любым условиям, принимать добровольно адреналин в рискованных ситуациях, встречать радости и неудачи, а также испытывать непреходящую любовь к Матушке Природе и ее каменным богатствам. Счастливая геологическая судьба занесла нас с Борисом Эфросом в Монголию, в самую ее глубинку – высокогорную пустыню Гоби. Это сокровенное место на Земле, где еще можно встретить памятники древних культур, побывать на уникальных захоронениях динозавров, отыскать самые разнообразные полезные ископаемые. В Восточной Гоби, в районе холмистой гряды Зуун-Цагаан-дэль (Белая Грива Востока) мы, советские специалисты-геологи, вместе с монгольскими коллегами искали плавиковый шпат – ценнейшее промышленное сырье. Помнится, однажды после многокилометрового маршрута под палящими лучами солнца, изнывая от жажды, мы вернулись под вечер в полевой лагерь. И хотя все валялись с ног, Борис собрал команду в кружок, обсудил результаты и наметил новые маршруты. И еще долго, поражая всех своей неутомимостью, поднимал спорные геологические вопросы, говорил о геологии вообще и плавиковом шпате в Гоби.

Когда ночь вступила в свои права и все разошлись по юртам, мы с Борисом остались вдвоем, наслаждаясь ночной прохладой, тишиной и бархатно-черным звездным небом. А звезды над нами полыхали холодным сапфировым светом, кружились в неистовой шаманской пляске и опалили сине-зеленым волшебным дождем. Вот одна, полыхнув ярким пламенем, стремительно понеслась вниз и пропала за темной грядой, которую мы исходили маршрутами. Такие крупные и яркие звезды мы впервые увидели в Гоби. Недаром у монголов к звездам особое, благоговейное отношение. Когда уходит из жизни человек со светлой и

чистой душой “сайхан сэтгэл”, они говорят, что “его душа ушла к звездам”. Но мы были молоды и не думали о бренности жизни. Впереди нас ожидали непройденные маршруты, и позади их осталось немало. Борис долго работал в Казахстане, где искал пьезооптическое сырье и стал первооткрывателем Новоромановского месторождения оптического флюорита. Этого было бы достаточно, чтобы считать свою геологическую судьбу счастливой. Но его уже ждал Памир. Там, где скрывается за облаками месторождение Лядждвар-дара, он с командой альпинистов-геологов искал на отвесных скалах залежи самого синего в мире камня – лазурита. А когда для оборонной промышленности потребовался пьезотурмалин, он нашел его на Памире в долине Вез-дара. После Памира его ищущую натуру потянуло на Полярный Урал искать нужный для камнеобрабатывающей промышленности нефрит. И где бы Борис ни работал, он становился душой коллектива, заражая всех организаторской хваткой и увлеченностью настоящего исследователя.

В последние годы он тяжело болел, но скрывал свой недуг от окружающих. Выйдя на пенсию, не замкнулся в себе, а вел активную общественную работу, организовывал выставки камня, писал статьи, рецензии и великолепные стихи, навеянные геологической романтикой. Когда он прочитал мою первую книгу о монгольских самоцветах, то сказал мне: “Ты должен писать. Только не тяни...” Я не успел порадовать его новой книгой – он ушел раньше. Кто-то из мудрецов сказал: “Человек умирает совсем не тогда, когда перестает дышать, смотреть тебе в глаза и говорить с тобой, а когда его забывают”. Бориса Эфроса не забыли. Он ушел к звездам и оттуда посылает нам свой негасимый свет. Звезды не гаснут...

Ю.О. Липовский

Содержание

Ю.Б. Марин. Слово об авторе	4
Держись, геолог!	7
С добрым утром, пустыня!	8
Тот выдумал тебя – романтика пустынь	9
Автострада Навои – Учुकудук	10
Несостоявшееся знакомство	11
Узеньская впадина	12
Мурзаирская баллада	14
Казахстанские кони	17
Стремительно темнело, шквал шел с запада	18
Арыстантау	19
Солнце любит появляться	20
Зачем же я вторгаюсь в тишину	21
Там марево дрожащее	22
В равнину вплыли горы-одиночки	23
Разбегаются искры по веткам сосновым	24
Окончив маршруты, в твои окунались глубокие воды	25
Мелькают сосны, просеки, озера	27
Как бусы под крылом сверкают плесы	29
Новоромановскому гранитному массиву	30
Памяти Новоромановского месторождения флюорита	31
На реке Орь	32
Бадахшан	34
В твоё ущелье я влюблен	35
Ишак “ослом” давно прослыл	38
Ночь призрачна	40
Льет синий свет луна на склоны гор	42
Я в кедах шел, ты – в сапогах	44
С перевала Глиссер	46
Сезон – к концу, покой – душе	48
Спокойной не было воды	50
Пустая штольня на высоте 4600 м	53
Есть необычный камень – лазурит	55
Мы лезли вверх и вверх по кручам	57

Ляджвар	58
Спасательные работы	59
Я не ехал за туманом	61
Прощай, Гоби!	63
Кто мял тебя могучими руками	65
В светлом небе – снежинки несметные	67
В минуту слабости	68
Радостное расставание	69
Кто не таскал тяжелых траков	71
Короткое интервью	72
Глаз радуется тундра – стремительна осень	73
Я вашим письмам рад	74
Под звездным покрывалом спит Земля	75
Эстет	76
Безразличному к красоте камня	77
Янтарь	79
Прощальный вальс	80
Песенка новорожденного	81
Ю.О. Липовский. Штрихи к портрету друга	84

От составителей

Борис Эфрос

Мы ищем то, что не теряли...

Стихи разных лет

Художественное некоммерческое издание

**Печатается по решению Совета и на средства
Кольского отделения РМО**

Отпечатано в ЗАО "К & М"
184209 г. Апатиты, ул. Ферсмана, д. 17 а
Тел. / факс (81555) 77329

Тираж 200 экз.

Жил-был геолог, альпинист, поэт... Это сочетание качеств не столь уж редко. Но в личности Бориса Эфроса они уживались так органично, что сделали ее незаурядной. Как водится, большое увиделось на расстоянии... К счастью, в семейном архиве сохранились его напевные стихи и фотографии. Кольское отделение РМО считает гостем и даргом впервые опубликовать их накануне профессионального праздника – Дня геолога. Стихи расположены в порядке, фиксирующем перемещение автора по просторам бывшего Союза, в том числе Вороньим тундрам Кольского полуострова, и за его пределами. Хронология отчасти установлена с помощью его родных и друзей. Всем им мы приносим благодарность.

*Ю.Л. Войтехавский, проф., ф.г.-м.н.
председатель Кольского отделения РМО
И.С. Красоткин, доц., к.т.н., член РМО*